

Д. ЕРЕМЕЕВ

ИЗУЧЕНИЕ ЭТНОГРАФИИ В СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ¹

Научный интерес к изучению быта и культуры турецкого народа впервые проявляется в Турции еще во времена Османской империи — в 60-х годах XIX в. «Новые османы» основывают первые культурно-просветительные организации. В целях создания литературного языка, близкого и понятного народу, они пропагандируют изучение турецкого фольклора. Один из лидеров «новых османов» — Ибрагим Шинаси выпускает сборник пословиц². К концу XIX — началу XX в. относится и появление первых этнографических работ³. Все это весьма знаменательно, так как раньше в Османской империи изучение языка, культуры и быта турок считалось чуть ли не зазорным делом, а на простой народ — анатолийских крестьян и ремесленников смотрели, как на «мужичье», недостойное внимания ученых.

Возрастающий интерес турецкой интеллигенции к истории и этнографии своего народа не был случаен. Однако распространяющийся, особенно при младотурках, национализм принимает уродливые формы, все более отражая идеи национал-шовинизма и агрессии. В 1910—1912 годах на смену официальной идеологии османизма и панисламизма появляется пантюркизм (пантуранизм). Пантюркистское движение стремится «объединить» под властью Турции все народности, говорящие на тюркских языках, и в первую очередь народности России.

В 1910 г. создается националистическое общество «Türk yurdu» (Турецкая родина), издающее журнал под одноименным названием. В 1911 г. в Стамбуле организуется клуб Türk ocağı (Турецкий очаг), постепенно расширяющий по всей стране сеть таких «очагов». Задуманные вначале как культурно-просветительные организации, «турецкие очаги» превращаются в организации политические⁴, ведя усиленную пропаганду пантюркистской идеологии. В «очагах» читают содержательные лекции о тюркских народах, об их обычаях и культуре, но вместе с тем там усиленно пропагандируют шовинистические идеи о «славных периодах» турецкой истории, о «героях и гениальных вождах турецкой расы».

Выделение этнографии в самостоятельную науку происходит в Турции лишь после провозглашения республики. «История Турецкой Республики является и историей этнографии нашей страны», — писал в 1933 г. этнограф и фольклорист Мехмед Халид Байры⁵. Действительно, образование Турецкой Республики явилось своего рода толчком к активизации деятельности турецких этнографов.

Роль застрельщика в изучении этнографии в современной Турции должна по праву быть отведена Институту тюркологии, открытому в 1924 г. при Литературном факультете Стамбульского университета. Задачи Института были определены следующим образом: изучение истории, этнографии, географии, литературы и языка турок. Периодическим изданием Института является «Тюркологический журнал»⁶.

В 1927 г. в Анкаре основывается Общество народоведения, деятельность которого направляется главным образом на сбор и публикацию этнографического и фольклорного материала. Отделения Общества были открыты в Стамбуле, Кайсери, Эрзуруме, Измире, а корреспондентская сеть создана в 25 вилайетах Турции⁷. В Обществе работали два ученых совета — анкарский и стамбульский, руководившие его деятельностью, контролировавшие его издания, рассылавшие корреспондентам методические указания и вопросники для сбора этнографических материалов. За короткий период Общество

¹ Материалом для статьи послужили работы турецких этнографов, поступившие в библиотеки Москвы. До советского читателя доходит меньшая часть этих работ, поэтому статья не претендует на полноту.

² İbrahim Şinasi, Durubi Emsali Osmaniye, İstanbul, 1871.

³ Например, Mehmed Tevfik, Ein Jahr in Konstantinopel, «Türkische Bibliothek», Berlin, 1905—1909. (См. рецензию В. А. Гордлевского в журн. «Этнографическое обозрение», 1909, № 2—3, стр. 205—208).

⁴ «Турецкие очаги» существовали и после кемалистской революции. В 1931 г. они стали организациями Народно-республиканской партии.

⁵ Mehmet Halit (Bayrı). Cumhuriyet devrinde halkbilgisi hareketleri, «Halkbilgisi haberleri», 1933, № 29, стр. IV.

⁶ «Türkiyat mecmuası», İstanbul (выходит с 1925 г.). См. рец. А. Самойловича в «Записках коллегии востоковедов», т. II, вып. 2, Л., 1927, стр. 373—375.

⁷ В административном отношении Турция в те годы была разделена на 57 вилайетов.

организовало ряд экспедиций. В 1928 г. член общества Али Рыза Ялгын совершил поездку к туркменским племенам в горах Тавра. В 1929 г. Абдюлькадир Инан совместно с экспедицией Стамбульской консерватории⁸ обследовал обширный район Восточной Анатолии (вилайеты Трабзон, Ризе, Гюмюшхане, Эрзурум, Эрзинджан). В 1930 г. экспедиция Общества под руководством Абдюлькадира Инана выезжала в район Газинтеба, где вела полевую работу в деревнях и среди туркменских племен ильбейли, карашейхли и барак. В 1931 г. Мюшфика А. Инан совершила поездку в район Мараша. В 1932 г. экспедиция в составе М. Х. Байры, Ю. З. Демирджи и Х. Т. Даглыоглу была направлена в вилайет Балыкесир. Участники экспедиций, как правило, представляли доклады о проделанной работе, которые обсуждались на заседаниях ученых советов Общества.

Из других начинаний Общества следует отметить деятельность «Комиссии по изучению ремесел в Турции», проделавшей большую работу по сбору фактического материала. Материал, собранный участниками экспедиций, членами и корреспондентами Общества, публиковался в «Ежегоднике народоведения»⁹, выходил отдельными изданиями. В Анкаре Общество выпустило два тома «Журнала народоведения» (1928 и 1929 гг.)¹⁰.

В 1929 г. Стамбульское отделение Общества стало издавать ежемесячник «Вестник народоведения»¹¹, цель которого заключалась в том, чтобы «как можно скорее сделать общим достоянием богатый материал, собранный в результате деятельности этнографов Общества»¹². До мая 1931 г. ежемесячник выходил регулярно. Затем, после двухгодичного перерыва он стал издаваться уже другой организацией — Отделением языка, литературы и истории Стамбульского «народного дома» Народно-республиканской партии¹³.

Общество народоведения также перестроило свою работу; его члены стали работать в «народных домах», в результате чего Общество вскоре распалось. В этом сказались и крайняя необеспеченность Общества материальными средствами (добровольные взносы и пожертвования, за счет которых оно существовало, были ничтожны). «Вестник народоведения» выходил до 1940 г. (всего вышло около 100 номеров).

Оценивая работу Общества, можно с полным основанием сказать, что оно сыграло ведущую роль в становлении этнографической науки в современной Турции, пробудило интерес к этнографии среди широких слоев турецкой интеллигенции и способствовало сбору богатейшего фактического материала по быту и культуре народов страны. Но из-за финансовых затруднений только часть полевых исследований была опубликована.

В 1949 г. была создана аналогичная организация под названием «Турецкое общество по изучению фольклора (народоведения)» — Türk Folklor (Halkbilgisi) Derneği, выпускающая ежемесячный журнал «Изучение турецкого фольклора»¹⁴. Последний продолжает традиции своего предшественника — «Вестника народоведения» — и публикует богатые этнографические и фольклорные материалы. Вновь созданное Общество также работает в трудных условиях из-за недостатка денежных средств. Так, в 1951 г. оно не смогло послать своего делегата на Международный конгресс этнографов и фольклористов в Стокгольме.

Большую работу по собиранию этнографического материала и популяризации этнографической науки проделали «народные дома». С потерей власти в 1950 г. Народно-республиканская партия потеряла и «народные дома». Теперь они вновь называются «Турецкими очагами» и считаются не принадлежащими ни к какой партии. Роль этих «очагов» (как прежде «домов») вытекает из общей национал-шовинистической идеологии правящих групп, отрицающих классы и классовую борьбу и пропагандирующих тезис о «единстве турецкой нации». Их главная задача — держать массы в плену буржуазной идеологии и отвлекать их от борьбы за свои классовые интересы. Поэтому в отношении научных выводов и обобщений к трудам этих организаций нужно подходить весьма критически, несмотря на проделанную ими значительную работу по сбору фактического материала.

Этнографическая работа в «народных домах» велась в отделениях языка, литературы и истории, а также в отделениях музеев и исторических памятников. При непосредственной поддержке Министерства просвещения члены «домов» участвовали в пополнении фондов этнографических музеев, устраивали этнографические выставки, издавали каталоги и путеводители по городам и музеям страны.

В собирании этнографического материала большая заслуга принадлежит турецким этнографическим и краеведческим музеям, организованным в 1930-х годах. Это, прежде всего Анкарский этнографический музей, этнографические музеи в Адане и Берга-

⁸ Стамбульская консерватория в 1930-х годах организовала четыре экспедиции в Анатолию для нотной и магнитофонной записи народных песен и киносъемки народных танцев. Собранные материалы были частично опубликованы.

⁹ «Halkbilgisi yillığı», Ankara, 1928.

¹⁰ «Halkbilgisi mecmuası», Ankara, 1928, 1929.

¹¹ «Halkbilgisi haberleri», İst., 1929—1931, 1933—1936.

¹² Редакционная статья в «Halkbilgisi haberleri», 1924, № 4, стр. 1.

¹³ «Народные дома» — просветительные организации Народно-республиканской партии, созданные в 1932 г. взамен «турецких очагов». В 1949 г. по стране насчитывалось 474 «народных дома» (в городах) и 4306 «народных комнат» (в селах). «Народные дома» имели свои издания. Так, в Анкаре ими с 1933 по 1950 г. выпускался ежемесячный журнал (с 1942 по 1950 г. — двухнедельный) «Ülkü» («Идеал»).

¹⁴ «Türk Folklor araştırmaları», Ankara, 1950, № 25; 1951, № 30; 1958, №№ 106, 107.

ме, краеведческий музей в Бурсе, а также этнографические отделы стамбульских музеев¹⁵. Названные музеи ведут и издательскую деятельность. Так, в 1956 г. Анкарский этнографический музей выпустил сборник «Турецкая этнография»¹⁶.

Наконец, немалую роль в этих работах сыграло и Министерство просвещения, которое оказывало помощь «народным домам» и этнографическим музеям в их деятельности. С 1933 г. Министерство просвещения издавало специальный периодический сборник для работников музеев и «народных домов» — «Журнал турецкой истории, археологии и этнографии»¹⁷.

Но если все эти организации основной упор делали на собирание фактического материала, то попытки научных исследований и теоретических обобщений, иногда успешные, а иногда и нет, предпринимались главным образом в Турецком историческом обществе (ТИО, по-турецки *Türk Tarih Kurumu*) и в Институте антропологии и этнологии при факультете языка, истории и географии Анкарского университета. В 1930 г., по инициативе Кемала Ататюрка, первого президента Турецкой республики, в управленческом центре «турецких очагов» было восстановлено существовавшее с 1910 г. — до кемалистской революции — Общество по изучению турецкой истории (*Türk Tarihi Tetkik Cemiyeti*), с 1931 г. называвшееся *Türk Tarihi Tetkik Cemiyeti*, а позднее — ТИО. Это Общество провело большую работу в области не только собственно истории, но и других исторических наук — археологии, этнической антропологии и этнографии. Оно явилось инициатором созыва турецких съездов историков¹⁸, принимало участие в международных научных конгрессах, участвовало совместно с Министерством просвещения и «народными домами» в сборе этнографического и краеведческого материала. Периодический печатный орган ТИО — «*Bellefen*» — издается с 1937 г. по четыре выпуска в год. ТИО публикует также материалы турецких съездов историков, издает отдельные работы турецких ученых.

Однако центром этнографической науки следует все-таки признать упомянутый выше Институт антропологии и этнологии. Этот Институт, как и весь факультет, создан в 1936 г. Директор Института — известный турецкий антрополог, археолог и этнограф, профессор Шевкет Азиз Кансу. Институт был организован ряд экспедиций, его сотрудники ведут обширные полевые исследования в селах и среди кочевых племен, в результате чего ими защищено несколько диссертаций по антропологии и этнографии. Институт организован две постоянные научно-исследовательские станции — в Восточной Анатолии и Измире, создан архив этнографического и фольклорного материала. При Институте существует кафедра для подготовки специалистов по этнографии и антропологии, читаются лекции по этим наукам¹⁹. Исследования сотрудников Института печатаются в научном журнале факультета, который с 1942 г. выходит каждые два месяца²⁰. Институт выпускает антропологический журнал и «Труды по антропологии и этнологии». Ряд исследований вышел в свет отдельными изданиями.

Такова внешняя, формальная сторона изучения этнографии в Турции. Попробуем разобраться по существу — как, по каким направлениям развивалась турецкая этнографическая наука. Прежде всего следует отметить, что турецкая этнографическая терминология заимствована с Запада и еще не совсем уточнена. Так, например, нет четкого разграничения между «народоведением» (*halkbilgisi*) и фольклором (*folklor*). Это отразилось даже в названии турецкого этнографического общества: «Турецкое общество по изучению фольклора (народоведения)». Помимо этих терминов, турецкие этнографы оперируют еще и понятиями: этнография (*etnoğrafya*), этнология (*etnoloji*) и антропология (*antropoloji*). В этой терминологии тоже нет четких установившихся границ. Так, в книге А. Бахи «Этнография Стамбула»²¹ помещено много и фольклорного материала, а в книге М. Х. Байры «Фольклор Стамбула»²², наоборот, основная масса материала — этнографическая (народная медицина, верования, обряды, обычаи, праздники). Характерно, что и народную медицину в Турции часто называют «медицинским фольклором» (*tıbbi folklor*). Или, например, исследование о юрюках Южной Анатолии К. Гюнгёра в этнографической и фольклорной части озаглавлено: «Этнология и фольклор»²³.

¹⁵ Некоторые из музеев Стамбула были организованы на основе дворцовых коллекций еще в XIX в.

¹⁶ «*Türk etnoğrafya dergisi*», Ankara, 1956. № 1.

¹⁷ «*Türk tarih, arkeologiya ve etnoğrafya dergisi*», Ankara, 1933, 1934, 1936, 1940.

¹⁸ 1-й съезд состоялся в 1932 г., 2-й — в 1937 (материалы опубликованы в 1943 г.), 3-й — в 1943 (материалы опубликованы в 1948 г.), 4-й — в 1948, 5-й — в 1956.

¹⁹ В 1943 г., например, были прочитаны лекции: «Эндогамия у кочевых и охотничьих тюркских племен и опыт объяснения терминов родства у тюркских племен» (Абдюлькадир Инан), «Некоторые хозяйственные организации и обычаи тюрков и их функции» (Х. Б. Кунтер); в 1944 г. — «Пережитки шаманизма у тюрков-мусульман» (Абдюлькадир Инан), «В чем родство тюрков и венгров» (Х. Кун); в 1946 г. — «Роль женщины в обряде бракосочетания в Анатолии» (Н. Айрен).

²⁰ «*Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi*» (AUDTCFD), Ankara, 1942—1959.

²¹ А. Баха, *İstanbul etnoğrafyası*, İst., 1934.

²² М. Н. Байры, *İstanbul folkloru*, İst., 1947.

²³ К. Гюнгөр, *Cenubi Anadolu Yürüklerinin etnoantropolojik tetkiki*, Ankara, 1941.

Турецкий ученый Ш. А. Кансу считает, что вместо «этнология» лучше говорить «этнологическая антропология», причем этнография, по его мнению, является одним из разделов этнологии, которая, в свою очередь, входит в социологию²⁴. Следуя за ним, большинство турецких исследователей признает за этнографией право быть лишь описательной наукой, противопоставляя ей «этнологию» как науку теоретическую, для которой этнография должна поставлять фактический материал. Видимо, исходя из такой предпосылки, турецкие этнографы главное внимание уделили особо тщательному сбору фактического материала на основе полевых исследований, с привлечением первоисточников (архивных документов, исторических памятников, материалов археологических раскопок и данных фольклора). Отдавая им должное, надо сказать, что в этой области они проделали многое.

Из трудов подобного рода кратко остановимся на работах, посвященных определенным районам страны. Многие из этих исследований вышли отдельными изданиями, хотя не менее богатый материал был опубликован в периодической печати. В ряду таких работ хронологически первым идет «Отчет о первой научной экспедиции» (в Восточную Анатолию) Абдюлькадира Инана²⁵. Здесь дано описание жилищ, очагов, сельскохозяйственных орудий, приведен народный календарь сельскохозяйственных работ, отмечаются особенности местного скотоводства; один из разделов отчета посвящен местным ремеслам, другие разделы — семейным отношениям, народной медицине, различным обрядам, местной топонимике и иным вопросам.

В упомянутой выше книге А. Бахи «Этнография Стамбула»²⁶ освещаются история заселения отдельных районов этого города, положение переселившихся в разное время групп населения и их занятия (сафранболуццы, бартыны, иранцы, дагестанцы, азербайджанцы, крымские татары, босняки, албанцы). Этнографические особенности деревень района Анкары подробно описаны в книге Х. З. Кошая «Анкарское народоведение»²⁷. Автором собран материал о различных обычаях и поверьях, семейных отношениях, одежде, пище, жилищах крестьян. Книга хорошо иллюстрирована. Другая книга того же автора «Материал по этнографии и фольклору Анатолии»²⁸ содержит наблюдения над местными ремеслами, промыслами и другими занятиями населения. Автором собран материал по одежде, пище и жилищам, подробно описаны обряды рождения, бракосочетания, погребения. В книге много фотографий, рисунков и схем (дома, очаги, утварь, сельскохозяйственные орудия, повозки, сбруя, одежда, обувь, ткацкие станки, орнаменты ковров). Следует отметить книгу М. Джелила «Жизнь старого Стамбула»²⁹, отличающуюся богатством иллюстраций, выполненных Э. Калмыком. Художнику удалось воспроизвести множество уникальных предметов, находящихся в музеях, частных коллекциях и антикварных лавках. Интересна и монография А. Р. Ялгыша «Район Каратеполи в Таврах»³⁰, в которой собран материал, охватывающий все стороны этнографии небольшого горного района Южной Анатолии.

Ряд работ посвящен отдельным этнографическим темам. Например, книга Х. З. Кошая «Сравнительный материал о турецких свадьбах»³¹ включает описания свадебных обрядов, бытующих в различных районах Турции. Этой же теме посвящена работа Ю. З. Демирджи «Старые свадебные обычаи в Анатолии»³² — результат полевых исследований автора в горном районе вилайета Мугла. Из работ о жилищах упомянем книгу М. Аюка и А. Гёкоглу «Старые анкарские дома»³³ и обширный труд О. А. Аджибаямлы «Этнографические исследования о жилищах в районе Аджибаям»³⁴. Одежде посвящена работа сотрудницы Анкарского этнографического музея Энисе Енер «Одежда женщин старой Анкары»³⁵. Не ограничиваясь описанием, автор прослеживает историю развития и причины изменения женской одежды в Турции на протяжении XIX—XX вв. Из работ о народных ремеслах вышли книги: К. Дирика о ковроткачестве и Т. Эшберка о ручных ремеслах в деревне³⁶. Из исследований о народной медицине

²⁴ Ş. A. K a n s u, Antropoloji tarihi ve programı hakkında, «Ülkü», т. 7, № 37, 1936.

²⁵ Abdülkadir İ n a n, Birinci ilmi seyahate dair rapor, İst., 1930.

²⁶ A. B a h a, Указ. раб. Этот же автор опубликовал интересную работу о юрских свадьбах — «Safranboluda Yürük düğünleri», İst., 1932.

²⁷ H. Z. K o ş a y, Ankara budun bilgisi, Ankara, 1935. Автор одно время был начальником управления музеев и исторических памятников Министерства просвещения, затем директором Анкарского этнографического музея.

²⁸ H. Z. K o ş a y, Anadolu'nun etnografya ve folkloruna dair malzeme, Ankara, 1951. Материал собран во время участия автора в археологических раскопках в деревне Аладжа-Хёюк (Alaca Höyük).

²⁹ M. C e l â l, Eski İstanbul yaşayışı, İst., 1946.

³⁰ A. R. Y a l g ı n, Toroslarda Karatepoli bölgesi, Ankara, 1952.

³¹ H. Z. K o ş a y, Türk düğünleri üzerine mukayeseli malzeme, Ankara, 1944.

³² Y. Z. D e m i r c i, Anadolu'da eski düğün ve evlenme adetleri, İst., 1938.

³³ M. A k o k ve A. G ö k o ğ l u, Eski Ankara evleri, Ankara, 1945.

³⁴ O. A. A c ı p a y a m l ı, Acıpayam ve çevresinde mesken ve mesken ile ilgili etnografik araştırmalar, AÜDTCFD, т. XII, № 3-4, 1954, стр. 163—216.

³⁵ Enise Y e n e r, Eski Ankara kadın kıyafetleri, AÜDTCFD, т. XIII, № 3, 1955, стр. 21—37.

³⁶ K. D i r i k, Eski ve yeni Türk halıcılığı, İst., 1938; T. E ş b e r k, Türkiye'de köylü el sanatlarının mahiyeti ve ehemmiyeti, Ankara, 1939.

упомянем работу А. Сюхейля, посвященную истории народной медицины в Турции и ее отражению в турецком фольклоре³⁷.

Много потрудились турецкие этнографы и в области изучения кочевых племен, но опять-таки в основном только как усердные собиратели фактического материала, не удосужившиеся сделать соответствующие теоретические обобщения и необходимые выводы. Несмотря на то, что в Турции до сих пор существуют кочевые племена — остатки огузских и туркменских этнических объединений, пришедших сюда в XI в. и позднее, турецкие этнографы одну часть этих племен называют юрюками, другую — туркменами, не показывая, однако, в чем их различие. В. А. Гордлевский, анализируя архивные документы о тюркских племенах в Анатолии в XVI—XVIII вв., изданные А. Рефиком³⁸, пришел к выводу, что термины «юрюк» и «туркмен» «как-то различаются и противопоставляются». Он отметил, что мелкие подразделения туркмен кое-где еще сохраняют прежние огузские наименования 24 племен. Но и он не дал четкого разграничения между юрюками и туркменами³⁹. А. Д. Новичев рассматривает юрюков и туркмен в Турции как одну этническую общность, отмечая в то же время, что слово «юрюк» (турецкое — «кочевник») не является этническим термином и применено автором условно⁴⁰. Возможно, что разница между юрюками и туркменами в Турции только историческая, а не этническая, так как в Османской империи «юрюками» назывались кочевые племена, состоявшие на военной службе султана⁴¹. Если среди юрюков и были племена не тюркского происхождения, то они давно уже тюркизированы. Сделав такую оговорку, мы сохраняем в данной статье термины «туркмен» и «юрюк» в тех случаях, когда они употреблены турецкими этнографами.

А. Р. Ялгын издал большую работу — плод десятилетних исследований — «Туркменские племена на Юге»⁴². Турецкий историк Ф. Кёпрюлю в предисловии к этой книге отмечал, что о туркменах Анатолии до сих пор написано очень мало, хотя вопрос о них весьма важен для понимания истории Турции, и что многие работы европейских ученых о туркменах Турции — поверхностны и даже ошибочны. Ялгын указывает, что в Южной Анатолии, между реками Гёксу и Ефрат, 30% населения составляют туркмены, прикочевавшие сюда 200—250 лет назад. Автор пишет, что они полностью сохранили свои обычаи и даже передали кое-что из них местному населению. По словам автора, ныне все туркмены перешли на оседлость. В работе приводится генеалогическая структура племен, описывается их родовая и социальная организация, много внимания уделяется этнографическим особенностям туркмен (жилища, домашняя утварь, пища, ремесла и другие занятия, обряды и обычаи, фольклор). В 1940 г. Ялгын опубликовал новую книгу о туркменах — «Музыкальные инструменты туркмен на Юге»⁴³.

Юрюкам Южной Анатолии посвящена работа К. Гюнгёра «Этно-антропологическое исследование юрюков Южной Анатолии»⁴⁴, изданная Институтом антропологии и этнологии. Автор вел полевые исследования среди юрюков в 1938 и 1939 гг. Первая часть книги содержит результаты антропологических исследований юрюков, проведенных автором (антропометрия, краниометрия, исследования цвета волос, глаз и кожи, сравнение полученных данных с аналогичными данными о турках). В кратких выводах автор пишет, что, хотя юрюки антропологически и отличаются от турок (например, распространение долихоцефалии и мезоцефалии у юрюков, тогда как турки — брахицефалы), тем не менее они по языку и культуре относятся к «великому турецкому единству, как и туркмены». Таким образом, автор, правильно характеризуя юрюков как тюркскую этническую группу, к сожалению, придает своим выводам пантюркистскую окраску. Вторая часть книги озаглавлена «Этнология и фольклор». Здесь описываются расселение юрюкских племен, их занятия, генеалогия и социальная организация; приведены названия терминов родства, юрюкский календарь; широко показаны обычаи и материальная культура.

Турецкие этнографы особенно много внимания уделяют изучению деревни. Да это и понятно, если учесть, что около 80% населения Турции — крестьяне. Отметим, что даже чисто фактологические работы без всяких выводов, написанные как бы холодными регистраторами событий, нередко превращались в обличительные документы, убедительно рисующие бедственное положение турецкой деревни. Одним из таких документов является работа М. Тугрула «Статика и динамика населения деревни

³⁷ A. Süheyl, Türkiye'de tıbbî folklor hakkında rapor, «Halkbilgisi haberleri», 1936, № 56.

³⁸ A. Refik, Anadolu'da Türk aşiretleri, İst., 1930.

³⁹ В. А. Гордлевский, Государство Сельджукидов Малой Азии, Л., 1941, стр. 62.

⁴⁰ А. Д. Новичев, Турецкие кочевники и полукочевники в современной Турции, «Сов. этнография», 1951, № 3, стр. 108, Примечание.

⁴¹ См. S. Çetintürk, Osmanlı İmparatorluğunda Yürük sınıfı ve hukukî statüleri, AUDTCFD, т. II, № 1, 1943.

⁴² A. Rıza (Yalgin), Cenupta Türkmen oymakları. Книга вышла несколькими выпусками: Kısım 1, İst., 1931—1932; Kısım 2, Kısım 3, Ankara, 1933; Kısım 4, Adana, 1934; Kısım 5, Adana, 1939. Подробнее об этой книге см. А. Д. Новичев, Указ. раб., стр. 108—129.

⁴³ A. R. Yalgin, Cenupta Türkmen çalgıları, Ankara, 1940.

⁴⁴ K. Güngör, Cenubi Anadolu Yürüklerinin etnoantropolojik tetkiki, Ankara, 1941. (См. упомянутую статью А. Д. Новичева.)

Махмутгази»⁴⁵, содержащая много интересных цифр, в частности о процессе расселения в деревне и уходе крестьян-бедняков в города. Не случаен тот факт, что в одном только 1942 году из 826 жителей этой деревни в город ушли 293 человека, причем основная масса ушедших — бедняки и разорившиеся крестьяне⁴⁶. Даже если учесть, что деревня Махмутгази расположена вблизи промышленного района (Измир) и что данные относятся к одному из наиболее тяжелых для сельского хозяйства Турции периодов (годы второй мировой войны), все же эта цифра крайне высока и говорит о весьма сильном процессе разорения бедняцких и середняцких хозяйств. По словам Тугрула, 48 человек (из них 38 женщин) составляют деревенскую верхушку — семью кулаков, торговцев, имамов. Эти люди сами не работают, а эксплуатируют чужой труд.

В работе приводится много других цифр, характеризующих безрадостное положение турецкой деревни. Например, процент грамотных среди мужчин равен 67,5, а среди женщин — 5,2. Из 80 девочек школьного возраста лишь 9 посещают начальную школу, остальные работают. Преподавание поставлено плохо: большинство учеников сельской начальной школы не может поступить в среднюю школу из-за неполноценности полученных знаний. Браки совершаются, как правило, по догмам шариата; не изжито многоженство. Высока детская смертность: число жителей в возрасте 15—19 лет наполовину меньше числа детей до 4-х лет. Коротка продолжительность жизни: жители, возраст которых превышает 50 лет, составляют 11,7% населения деревни.

Интересную работу издал М. Н. Алпай, объездивший в 1946 г. с этнографической целью всю Турцию и давший богатый фактический материал о жизни крестьян⁴⁷.

Возможно, именно пристальное внимание к собиранию фактов о положении в деревне послужило основой того, что некоторые турецкие исследователи вплотную подошли к марксистскому научному методу и даже в известной степени использовали его в своих работах. Это, прежде всего, доценты Анкарского университета Бехидже Боран и Ниязи Беркес. В 1947 г. они за прогрессивную деятельность были уволены из университета и лишены права преподавания. В 1950 г. Б. Боран, возглавлявшая турецкое Общество сторонников мира, и Н. Беркес, один из активнейших деятелей этого Общества, были арестованы.

Одна из работ Б. Боран — «Разделение труда и социальное положение женщины»⁴⁸ написана бесспорно с позиций исторического материализма на основе тщательно собранного материала о деревнях вилайета Маниса. Выясняя причины социального неравенства женщины, автор убедительно показывает, что их надо искать в области экономических отношений. Даже если женщина юридически владеет собственностью, она не может фактически распоряжаться ею — этим правом обладает ее муж или отец. Отсюда вытекает и эксплуатация женщины в деревне, ее удаление от общественной жизни. Автор отвергает утверждения некоторых этнографов об «извечной» зависимости женщины от мужчины. Книга Боран содержит большой фактический материал о разделении сельскохозяйственного труда между мужчиной и женщиной. Автор показывает, что наиболее трудоемкие работы в турецкой деревне лежат на плечах женщин.

Результаты работы Н. Беркеса в деревнях Анкарского вилайета в 1940 г. обобщены в его книге «Исследования о некоторых деревнях Анкарского вилайета»⁴⁹. Автор описывает расположение и планировку деревень, население; анализирует экономику, земельный вопрос, проблемы собственности и обмена. Отдельные главы посвящены сельскохозяйственным орудиям (здесь рассмотрены также жилища, утварь, одежда и пища), системе родства, брачным отношениям, взаимоотношениям в семье, между соседями и односельчанами.

Аналогичный характер носит работа Медихе Беркес «Социологическое исследование деревни Эльван»⁵⁰. Чтобы обстоятельно изучить положение в деревне, М. Беркес специально пошла работать сельской учительницей в деревню Эльван (Анкарский вилайет). Сперва она хотела ограничиться темой семейных отношений и связанных с ними обычаев и обрядов, но вскоре в процессе работы убедилась в том, что без изучения экономических отношений нельзя глубоко понять сельскую семейную жизнь. Поэтому большая часть работы Беркес посвящена экономике и экономическим отношениям в деревне. Автор уделяет большое внимание земельному вопросу и аграрным отношениям. В работе, между прочим, показывается, что при наличии земельного голода часть земли не обрабатывается из-за отсутствия современных сельскохозяйственных орудий. Распространена издольщина, есть и батраки. У крестьян много долгов. Богатая прослойка деревни занимается ростовщичеством.

Другая часть работы посвящена семье. Здесь автор убедительно доказывает, что те или иные обычаи обусловлены экономическими отношениями. Так, происходящий под влиянием города распад больших семей в деревне из-за экономической необходимости совместно вести хозяйство протекает медленно. Поэтому в целях сохранения

⁴⁵ M. Tuğrul, Mahmutgazi köyünde nüfus durumu ve nüfus hareketleri, AÜDTCFD, т. III, № 3, 1945, стр. 290—300.

⁴⁶ Там же, стр. 300.

⁴⁷ M. N. Alpay, Köy davamız de köyün içyüzü, Ankara, 1952.

⁴⁸ Behice S. Boran, İş bölümü ve kadının sosyal mevkii, AÜDTCFD, т. III, № 3, 1945.

⁴⁹ N. Berkes, Bazı Ankara köyleri üzerinde bir araştırma, Ankara, 1942.

⁵⁰ M. Berkes, Elvan köyünde sosyal bir araştırma, AÜDTCFD, т. II, № 1, 1943.

имущества в семье распространены браки с родственниками. Случаи многоженства редки. Умыкание невест происходит в тех случаях, когда нет средств на уплату калыма.

Научную ценность представляют также труды по исторической этнографии. Отметим работу С. Четинтюрка «Класс юрюков в Османской империи и его правовое положение»⁵¹. Автор анализирует этимологию слова «юрюк», утверждая, что так называли кочевников уже осевшие турки. На основе архивных документов Османской империи автор устанавливает время появления упоминаний о юрюках (рубеж XV—XVI вв.), указывает районы их кочевания, приводит численность отдельных племен, характеризует их военно-племенную организацию и разбирает правовое положение в период пребывания этих племен на «султанской службе в качестве вооруженных отрядов и вспомогательных частей». Автор характеризует юрюков не как этническую общность, а как особый военный «класс».

Аналогична этой и работа Э. З. Карала, посвященная первой переписи населения в Османской империи⁵², проведенной в 1831 г. Автор дает картину расселения юрюкских и туркменских племен в Анатолии, приводит их численность, а также численность сельского и городского мусульманского и немусульманского населения. Одна из работ Абдюлькадира Инана посвящена вопросу происхождения клятвы у турок⁵³, которое автор связывает с тотемизмом и шаманизмом. На основе фольклорного материала он подробно анализирует торжества, связанные с дачей клятвы у тюркских народов.

В целом исторической этнографии посвящено много работ, опубликованных в «Тюркологическом журнале», «Бюллетене» ТИО и в материалах турецких съездов историков. Не все эти работы равноценны, некоторые из них написаны с реакционных позиций пантюркизма и расизма. Пантюркизм, как известно, нанесший большой вред всем отраслям исторической науки в Турции, задел и турецкую этнографию. Особенно сильно сказалось его влияние в этнической антропологии и исторической этнографии. Ярким примером этому может служить книга Афет Инан «Антропологические особенности народа Турции и турецкая история»⁵⁴, в которой большой фактический материал обесценен явно антинаучными выводами. Автор пытается доказать, что турки или родственные им народы жили в Анатолии задолго до прихода туда тюркских племен, и что в нынешней Турции, по существу, нет национальных меньшинств. Инан путает антропологическую общность с этнической. Сходство антропологических черт у прежних и нынешних обитателей Анатолии она объясняет не тем, что пришельцы-тюрки, смешавшись с местным населением и тюркизовав его лишь в отношении языка и культуры, почти не повлияли на его антропологический тип, а тем, что близкородственные туркам народы обитали на территории современной Турции задолго до прихода первых тюркских кочевников. Это утверждение противоречит историческим фактам⁵⁵.

Антропологические доказательства автохтонности турок Афет Инан «подкрепляет» этнографическими (например, сходством между хеттскими геометрическими орнаментами и узорами на турецких коврах). Автор силится доказать, что курды, лазы и другие национальности, живущие в Турции, входят вместе с турками в «одно расовое единство»⁵⁶. Невольно вспоминается заявление бывшего генерального секретаря Народно-республиканской партии Реджеба Пекера о том, что в «Турции нет нетурок, а есть люди, которым внушена мысль, что они курды, черкесы, лазы и т. д.»⁵⁷. В книге также защищаются расистские теории о культурном превосходстве альпийской «расы брахицефалов», к которым автор относит и самих турок.

Ряд работ по исторической этнографии проникнут духом шовинизма. Так, Ш. Алтундаг в статье «Заметки о культуре и общественном строе турок в первый период Османской империи»⁵⁸ пытается обосновать завоевания турок их якобы высшей культурой. Расистский характер имеет и работа А. Ш. Кансу «Исследование по географическому расселению турецкой интеллигенции в Анатолии»⁵⁹, в которой автор старается объяснить развитие интеллекта не социально-историческими причинами, а биологически-антропологическими данными (например, брахицефалией).

Общим и крупным пороком работ большинства турецких этнографов является их описательно-объективистский характер; турецкие этнографы особенно гонятся за «экзотическими» темами (отсюда сравнительно больше работ о кочевниках, чем о жизни оседлых крестьян); в своих работах они обычно обходят такую острую тему, как существующий гнет помещиков и его формы; совершенно не привлекает турецких этнографов и жизнь турецких рабочих.

⁵¹ S. Çetintürk, Указ. раб.

⁵² E. Z. Karal, Esmanlı İmparatorluğunda ilk nüfus sayımı, 1831, Ankara, 1943.

⁵³ A. İnan, Eski Türkiyerde ve foiklarda «Ant», AÜDTCFD, т. VI, № 4, 1948.

⁵⁴ Afet İnan, Türkiye halkının antropolojik karakterleri ve Türkiye tarihi, Ankara, 1947.

⁵⁵ Историческая часть книги Афет Инан подверглась критике и в самой Турции (см., например, H. Demircioğlu, Antropoloji ve tarih, AÜDTCFD, т. VI, № 1-2, 1948).

⁵⁶ Afet İnan, Указ. раб., стр. 182.

⁵⁷ См. T. Alp, Kemalizm, Ankara, 1936, стр. 303—304.

⁵⁸ Ş. Altındağ, Osmanlıların ilk devirlerinde Türklerin kültür ve sosyal durumları hakkında birkaç not, AÜDTCFD, т. II, № 4, 1944.

⁵⁹ A. S. Kansu, Anadolu'da Türk mütefekkirlerinin coğrafi yayılışı üzerine bir araştırma, AÜDTCFD, т. I, № 1, 1942, стр. 21—28.